

тивного изменения и упрощения в том же ареале. У нас нет оснований считать, что в совершенно однотипном сочетании *tv* в польском действовали противоположные тенденции, которые сделали возможным развитие *ławci* из *ławty*.

Рецензируемый выпуск не содержит, пожалуй, этимологически особо трудных случаев, а вместе с тем и этимологических решений, которые специально привлекали бы наше внимание, хотя примеры, интересные своей семантикой и древними диалектными особенностями, здесь могут быть названы, ср. любопытное только польское диал. *lanitwa* 'санный полоз' < праслав. **olnita*/**olnitva* с преобладающими всюду значениями 'щека, скула', 'челюсть' (стр. 460). Более актуальным нам показался поэтому вопрос лексических гнезд во всем комплексе соответствующей проблематики, причем этимология как правило бывает ясна и сомнений в принципе не вызывает, зато конкретные пути словопроизводства допускают весьма различное толкование. При этом общее правдоподобие избранного автором способа толкования иногда основано на педооценке; казалось бы, незначительных моментов словообразования, морфологии, фонетики (ср. выше) или же шире — типологии, в связи с чем критический пересмотр всей аргументации приводит к мысли, что авторское решение в этих случаях — не единственно возможное и не всегда лучшее. Интересным, хотя, может быть, не самым простым примером такого рода служит польск. диал. *łapie* 'быстро, живо, скоро, мигом', ср. и укр. диал. (Верхратский, Желеховский) *łani* 'быстро, скоро', ст.-чеш. *lap* 'вдруг, разом, тотчас', др.-русск. *лапъ* 'снова', 'прямо, не задумываясь'. Об этимологической связи с **lapati* (см. стр. 475 выпуска) спорить не приходится. Но это еще не ответ на вопрос, как 'сделано' слово *łapie*. Автор довольствуется, вслед за Вайяном, объяснением из наречия **lapъ* с переводом в продуктивный тип наречий, на -*ě*. Но ведь последние обычно производятся от прилагательных, а здесь как будто таковых нет. Не следует ли предположить древнее наличие императивного **lapi!* 'хватай!', откуда совершенно закономерно др.-русск. *лапъ*, в прочих же славянских — либо утрата мягкости губного (ст.-чеш. *lap*), либо упомянутая огласовка -*ě* (вторичная). О первичной императивности говорили бы и ст.-чеш. *lap kto* 'кто-нибудь' и такая близкая аналогия, как, скажем, русск. *хватъ*. Авторская реконструкция **lapъ* ввиду ее функциональной неясности тогда отпадает.

О. Н. Трубачев

В. И. Георгиев, Й. Займов, Ст. Илчев, М. Чалков.
Български етимологичен речник. Св. IX—X (т. II):
И — калапұшник. София, 1974, 160 стр.

Новым спаренным выпуском IX—X начата публикация следующего, II тома этимологического словаря болгарского языка нескольких авторов. Основываясь на картотеке болгарского диалектного словаря, новый болгарский этимологический словарь, как всегда, подкупает читателя несравненным богатством своих лексических материалов, которые развертываются здесь всеми возможными способами — гнездовым (см. статьи *ѣмам*, особенно — *ка̀звам*, *ка̀жа* и *кал*, где собраны по обыкновению этого словаря многочисленные производные от названных основ), алфавитным. Последний, аналитический способ ярко представлен в настоящем выпуске весьма продуктивной (главным образом глагольной) словообразовательной моделью 'приставка *из-* + основа слова'. Правда, богатство фактического материала — это далеко не все, чего обычно ждут от этимологического словаря. Этимологический анализ и этимологическая библиография рецензируемого словаря как раз не всегда отличаются требуемой глубиной, полнотой и разносторонностью, что придает труду в целом характер несколько неровный, не адекватный уникальному обилию фактов, подчас вводимых в научный обиход впервые.

На стр. 3 сообщается известная фракийская этимология названия реки *Ибър* 'Марица', греч. 'Εβρος, 'Εβρος, в конечном счете — от и.-е. **ejbhro-s* (в словаре: **ejbhro-s*). Не совсем понятны тогда заключительные слова этой статьи: «или, может быть, от греч. εὐρύς 'широкий'».

В статье о слове *úber* 1 'щепка', 'палочка' на следующей, 4-й странице слишком кратко сказано об исчезновении начального *i-* в польск. *wibr*, словц. *very*». Следовало бы раскрыть природу этого элемента, которая весьма различалась прежде всего морфологически (мы понимаем *jb-* в праслав. **jbьegъ* как особый древний префикс, вариантный к распространенному *jbz-*) от начала слов **jbьeti* (польск. *mieć*, в рецензируемом словаре опечатка: *me*); **jbьgra* (польск. *gra*, русск. *угра́*), где *jb-* входило в основу слова. На стр. 16, в статье о слове *úba*, составителей словаря можно понять таким образом, что объяснение из романского принадлежит Цв. Тодорову (ИИБЕз 8, 1962), тогда как аналогичная этимология уже давно выдвигалась целым рядом ученых от Мейе до Махека. В краткой статье *úzvrъsten* 'прекрасный, изысканный' (стр. 23), кроме ст.-слав. *úzvrъstьnъ*, диал. *úzvarсно* и связи с *vrъst*, явно не хватает соотнесения с сербохорв. *úzvrстан*, *úzvrсно* 'превосходно, отлично', не говоря о возможных источниках калькирования в древних и новых европейских языках. Болг. диал. *úzgorъди* 'шварки', скорее всего, целиком заимствовано из новогреческой формы греч. *σχορῖδι(ον)* 'шлак', а не образовано от *úzgor-* (*úzgrъm*, *горя́*), якобы контаминированного с (*я*)*gorъди*, ср. *ягоръда*, как утверждают составители словаря на стр. 26. Очень сомнительно семантически, а особенно — в лингвогеографическом отношении истолкование слова *úzkaвляяm* 'играть, танцевать' как **úz-коваляяm* от неизвестного болгарскому языку **ковал* 'кузнец' (стр. 31). Более правдоподобным здесь было бы предположение о наличии приставок *из-*, *ка-* при глагольной основе *валя-*.

Не без удивления мы читаем на стр. 72, что сближение болг. *úмел*, сербохорв. *úмела*, русск. *омёла* и т. д. 'растение *Viscum album*' со ст.-слав. *юти*, *наж* 'хватать' выдвинул Скок, хотя речь идет о весьма старой этимологии названия этого растения с клейкой корой, использовавшейся с давних пор для ловли птиц. Скок (I, 718) лишь повторяет эту этимологию за своими предшественниками.

Большое количество довольно поздних местных, подчас ограниченных отдельными диалектами, заимствований из турецкого и греческого языков обращает на себя внимание как существеннейший компонент болгарской лексики на *к-* начальное. Это накладывает отпечаток и на общую ориентацию рецензируемого словаря, если иметь в виду, что общеславянистическая, праязыковая и т. п. проблематика занимает в словаре довольно скромное место, трактуется бегло и неравномерно, хотя попадают отдельные полезные примеры и наблюдения также из этой области. Так, на стр. 129 в связи с болг. диал. *kadá*, нареч. 'когда' снова поднимается вопрос о существовании праслав. **koda* (в словаре — **kadā*, что следует, очевидно, читать как традиционное **koda*, если исходить из теории В. И. Георгиева о праслав. *ā* : *ā*), которое соответствовало лит. *kadà*, др.-инд. *kadā*, авест. *kadā* с тем же значением.

О. Н. Трубачев

Г. П. Клепикова.

Славянская пастушеская терминология.

Изд. «Наука». М., 1974, 256 стр. ↵

Оживление интереса к карпато-балканской проблематике определило появление многих работ, которые характеризует стремление наиболее полно изучить и научно освоить богатый диалектный, исторический, этнографический материал, освещающий разные стороны материальной и духовной жизни славян карпато-балканской зоны. В работе Г. П. Клепиковой предметом